

Е. В. Падучева

КОММУНИКАТИВНОЕ ВЫДЕЛЕНИЕ НА УРОВНЕ СИНТАКСИСА И СЕМАНТИКИ

Из тени в свет перелетая ...

Арс. Тарковский

Семантика предложения строится на взаимодействии двух структур — когнитивной (аргументно-предикатной) и коммуникативной. Коммуникативная структура подвергается в последнее время массивному наступлению с разных сторон, но тем не менее многое пока еще остается неясным. Направление, в котором мы хотели бы продвинуться, можно охарактеризовать следующим образом.

1. Говоря о коммуникативной структуре высказывания, обычно имеют в виду противопоставления, выражаемые интонацией и порядком слов (линейно-интонационной структурой); в данной работе речь идет о тех различиях, которые возникают на предшествующих уровнях — синтаксическом и даже семантическом.

2. В работах, посвященных коммуникативной структуре, основное внимание обычно уделяется рематическому акценту. Мы будем говорить о тематическом выделении.

Рематический акцент падает на утверждаемое и противопоставлен данности, тому, что принимается за исходное. Это различие хорошо формулируется в терминах противопоставления ассерция/пресуппозиция и имеет широкую сферу применения; например, оно позволяет представить в общем виде взаимодействие семантических компонентов предиката с отрицанием: если в толкование слова входят два структурно равноправных компонента, то отрицается только ассертивный; ср. пример из Wierzbicka 1969 — глаголы со значением 'бояться' и 'надеяться' оба включают предположение о наступлении события и его оценку; но различие не только «в знаке» оценки — отрицательной для *бояться* и положительной для *надеяться* — но и в том, что для *бояться* (в его

основном значении) оценка — ассерция, а для *надеяться* — пресуппозиция:

бояться X-а =
‘считать наступление X-а вероятным’ <презумпция>;
‘считать наступление X-а нежелательным’ <ассерция>;
надеяться на X =
‘считать наступление X-а вероятным’ <ассерция>;
‘считать наступление X-а желательным’ <презумпция>.

Соответственно, *не боюсь* = ‘не считаю событие нежелательным, предполагая, что оно наступит’, а *не надеюсь* = ‘не считаю вероятным, желая’¹.

Между тем тематическое выделение противопоставлено за-тушеванности, уходу на задний план. Для отражения различий в тематическом выделении нет хорошего аппарата и даже общепринятой терминологии. Англ. термины *promotion* (ср. Wierzbicka 1980), *foregrounding*, *topicalization* отражают лишь частные аспекты явления². А между тем разработка этой сферы нужна для многих задач (о роли тематического выделение в семантической деривации см. Падучева 1997).

В этой работе нас будут интересовать те аспекты тематического выделения, которые заложены в лексическую семантику слова, прежде всего — глагола.

1. ПРИМЕРЫ

До последнего времени тематическое выделение не было четко ограничено от рематического акцента. Несколько примеров, взятых из самых авторитетных источников.

Пример 1. В Апресян 1974: 257 рассматривается пара предложений:

- (а) *Перворазрядник выиграл у чемпиона;*
- (б) *Чемпион проиграл перворазряднику,*

¹ Противопоставление ассерция / пресуппозиция связано и с реальным акцентом, ср. пример из Зализняк 1992: *Я боюсь идти к зубному врачу* и *Я боюсь ему надоесть*.

² В Fillmore 1977 в этом контексте употребляется также термин «перспектива», который, по-видимому, идет от учения о падеже Р. Якобсона — от противопоставления центральных падежей, входящих в перспективу, периферийным, не входящим.

по поводу которой говорится: «Семантическое назначение кон-версивов состоит в том, чтобы передавать различие в логическом ударении (выделении, подчеркивании). Когда мы говорим (а), мы подчеркиваем в качестве нового тот факт, что перворазрядник играет или играл очень хорошо. Когда мы говорим (б), мы <...> подчеркиваем в качестве нового тот факт, что чемпион играл не слишком хорошо». На самом деле, (а) и (б) различаются тем, что в них данное: они говорят о событиях с разными объектами, (а) — об удивительном событии с перворазрядником, (б) — с чемпионом; разница в выборе темы, т. е. в тематическом выделении, а не в рематическом акценте.

Тема в (а) и (б) — это то, что выражено подлежащим. Точнее — Субъектом (синтаксическим): Субъект при глаголе в личной форме выражается подлежащим; но глагол может быть употреблен в форме причастия или деепричастия, при отрицании получить Субъект в род. падеже и т. д. — словарная характеристика о том, какой из участников ситуации назван Субъектом, остается при этом неизменной. Аналогичным образом мы будем далее проводить различие между прямым дополнением и Объектом.

Пример 2. В Апресян 1974: 261 была описана, по-видимому, впервые, замечательная разновидность диатетического сдвига, когда участник ситуации, обязательный на денотативном уровне, выходит из поля зрения при языковой концептуализации этой ситуации; например, во фразе (б) в таком положении оказывается больной:

(а) *Врач лечит Ивана от малярии хинином;*

(б) *Врач лечит малярию хинином.*

Различие между (а) и (б) толкуется, однако, следующим образом:

А лечит-1 X-а от Y-а Z-ом =

‘А воздействует на X-а Z-ом, пытаясь прекратить Y’;

А лечит-2 Y Z-ом =

‘А пытается прекратить Y, действуя на X-а Z-ом’.

Если учесть то, что сказано в Апресян 1996: 62 — «деепричастные конструкции используются для формализации пресуппозиций», — получается, что различие между (а) и (б) можно свести к противопоставлению ассерции и пресуппозиции, т. е. к рематическому выделению: компонент ‘А воздействует на X’, когда X явно выражен в предложении, как при *лечить-1*, имеет в толковании ассертивный статус, а когда X лишь подразумевается, как при *лечить-2*, он пресуппозиция.

На самом деле, разница между *лечить-1* и *лечить-2* в том, что в первом случае больной (X) находится в фокусе внимания (выражен прямым дополнением), а во втором он вообще не попадает в кадр. То есть разница вполне аналогична той, которая выявилась в примере с чемпионом.

Пример 3. Похожее явление рассматривается в Апресян 1974: 204, где двум употреблением глагола *выбивать* даются следующие экспликации:

- (а) *выбивать В из СХ-ом* (например, *пыль из ковра палкой*) =
'каузировать В переставать находиться в С, ударяя по СХ-ом';
- (б) *выбивать СХ-ом* (например, *ковер палкой*) =
'ударять по СХ-ом, каузируя В переставать находиться в С'.

Различие между (а) и (б) представлено как различие в логических акцентах, которое предлагается выразить через направление атрибутивной связи между двумя компонентами толкования (и далее, видимо, свести к той же оппозиции презумпция — ассерция). На самом деле, различие в точности то же, что в Примере 2: во фразе (а) пыль находится в зоне внимания, а в (б) она выходит за кадр.

Пример 4. Ю. Д. Апресян (1974: 260) пишет о глаголах *покупать* и *продавать*, что они «обозначают одну и ту же ситуацию, характерные свойства которой могут быть в первом приближении описаны следующим образом:

- (1) некая вещь В переходит от лица X к лицу Y;
- (2) некая денежная сумма Z переходит от лица Y к лицу X;
- (3) в случае *покупать* (1) и (2) представляются как каузированные Y-ом, а в случае *продавать* — как каузированные X-ом».

Однако это описание годится, в том числе, и для ситуации, когда X не продал X-у свою вещь, а отнял у него деньги и что-то ему всучил: чтобы быть адекватными, толкования глаголов *купить* и *продать* должны отразить тот факт, что действия обоих лиц добровольные, а не каузированные одним из них, т. е. передачам должен предшествовать договор между лицами. Договор — вещь взаимная, и, следовательно, действия обоих лиц симметричны. Конечно, в разных ситуациях инициатива может исходить от покупателя или от продавца, но этих различий семантика слов *купить* и *продать* не отражает (т. е. покупатель и продавец в этих двух ситуациях не различаются не только отношением к каузации, но и инициативой). Тогда в чем же состоит различие в зна-

чении этих слов? То есть что заставляет говорящего одну и ту же ситуацию назвать в одном случае куплей, а в другом — продажей? Очевидно, говорящий выбирает один из двух взаимно конверсных глаголов в зависимости от того, кого из участников ситуации купли-продажи он решил сделать темой — главной фигурой — своего сообщения: чью точку зрения на ситуацию он принял за основную; иначе — которого из двух Агентов (того, который отдает деньги, или того, который отдает товар) он выбрал на роль Субъекта.

Примеры 1–4 дают основание ввести понятие коммуникативного ранга участника ситуации. Ранг участника вытекает из синтаксической позиции его экспонента: синтаксическая позиция имеет коммуникативную значимость, которой нельзя пренебрегать. Самый высокий ранг имеет Субъект: это тот участник, которого семантика глагола выделяет как тему, Пример 1. Малярня и пыль в Примерах 2, 3, находясь в позиции Объекта, тоже имеют высокий ранг (хотя бы потому, что Объект может стать Субъектом и темой при пассивизации или рефлексивизации). Все остальные члены предложения, за исключением Субъекта и Объекта, обеспечивают участнику всего лишь ранг Периферия. При этом различия в морфо-синтаксическом оформлении у этих остальных подчиненных глаголу членов предложения уже не имеют прямой коммуникативной значимости. Так, ранг у ковра в предложении (а) Примера 3 — Периферия. Еще ниже ранг у тех участников ситуации, которые вообще не упомянуты в предложении в явном виде, а лишь подразумеваются, как пыль в (3б) и больной в (2б). Эти участники имеют ранг Нуль, соответствующий позиции «за кадром».

Язык обеспечивает говорящему возможность достаточно разнообразной фокусировки внимания, т. е. связь между семантической ролью участника в ситуации и его коммуникативным рангом относительно свободная. Конверсия, семантическая деривация и просто мена синтаксической модели обеспечивают разного рода promotions и demotions: участники переходят из света в тень (и даже в полный мрак чистого подразумевания) и обратно, не меняя своей роли в ситуации. Так, Пример 2 показывает, что одушевленность (вопреки тому, что первоначально предполагал Филлмор) не гарантирует участнику высокого коммуникативного ранга: одушевленный больной может остаться за кадром.

Замечание. Разумеется, ранжировка, заданная изначально словом, может далее корректироваться на уровне линейно-интонационной

структуры; так, во фразе *Нами были получены следующие результаты* трансформация пассива выводит Агенса из тематической позиции, предусмотренной для него словарем, а затем линейно-интонационная структура вновь возвращает его в позицию темы, и все коммуникативные добавки, полученные участником на этой траектории, следует в конечном счете суммировать.

Представляется, что понятие коммуникативного ранга восполняет терминологический пробел, который затруднял выражение различий в степени коммуникативного выделения. Ниже мы продемонстрируем возможности использования этого термина и опишем вклад коммуникативного ранга в семантико-прагматическую структуру предложения.

2. УЧАСТНИКИ, ПЕРЕМЕННЫЕ, АКТАНТЫ

Начнем с понятий участник ситуации, переменная в толковании, семантическая роль участника, синтаксический актант. Имеются две линии разграничений. С одной стороны, это уровни — денотативный, семантический, синтаксический. С другой стороны, следует принимать во внимание различие между словарем и предложением; так, синтаксические актанты появляются у глагола только в предложении — в словаре у глагола есть только «валентности».

Глагол, в каждом случае своего употребления, обозначает ситуацию с определенным набором участников; в семантику глагола входит указание на свойства этих участников, их отношения друг к другу и происходящие с ними события. В конечном счете, эти свойства, отношения, события и составляют значение слова. Так, в примерах (1), (2) один и тот же глагол имеет в (а) и (б) разный смысл, поскольку описываемые ситуации различаются числом участников и/или их ролями:

- (1) а. *Х отличается* упорством;
б. *Х отличается* от Y-а Z-ом.
- (2) а. *сложить* что с чем;
б. *сложить* что из чего;
в. *сложить* что куда.

В толковании участнику ситуации соответствует переменная (см. Апресян 1974: 120), а соотношениям и свойствам — определенные компоненты толкования, предикаты от этих переменных. Компоненты толкования определяют роли участников си-

туации. Конкретные участники в каждой новой ситуации (описываемой каким-то предложением с данным глаголом) разные, а набор ролей, в случае одного и того же значения глагола, один и тот же.

Когда глагол употребляется в предложении, участнику с данной ролью соответствует обычно синтаксический актанта глагола (член предложения, синтаксически подчиненный глаголу, — подлежащее, дополнение, обстоятельство, нефинитная форма глагола, адвербиал), который связывает соответствующую переменную (т. е. либо придает ей фиксированное значение, либо квантифицирует, связывает оператором вопроса и т. п.); в формальной семантике в этом случае говорят об обобщенных кванторах, см., например, в Bach 1989. Так, в предложениях

(3) *Иван поехал в Варшаву; Иван поехал направо*
у глагола *поехать* два синтаксических актанта, которые связывают переменную-Агенса и Конечный пункт/Направление движения. В словаре участнику с данной ролью может быть сопоставлена (быть может, не однозначно) синтаксическая форма его актанта, см. о моделях управления в Жолковский, Мельчук 1984.

Идеальным было бы взаимно-однозначное соответствие между участниками ситуации (денотативный план), переменными толкования (лексическая семантика) и синтаксическими актантами глагола в предложении (синтаксис). Однако прямого соответствия может и не быть.

Обычно считается, что если участник обязательный, то словарное толкование предусматривает соответствующую ему переменную. На самом деле, это верно только в обратную сторону: если участник не обязательный, то ему не соответствует переменной в толковании. По крайней мере, это так, если понимать обязательность самым естественным образом: участник не обязателен, если его можно устранить из ситуации, не разрушив ее; в противном случае участник обязателен. Например, *уважать*, *любить* можно за что-то; но можно и ни за что; *построить (дом)* можно для чего-то, но можно и ни за чем; *знать* — можно от кого-то, но можно и ни от кого; *побить* можно чем-то, но можно и не используя инструмента в качестве медиатора контакта (ср. в этой связи различие между *побить* и *высечь*); значит, эти участники необязательные. Необязательным участником является фоновый Каузатор *от землетрясения* в предложении (4); если убрать обстоятельство причины, возникнет понимание 'разрушился сам по себе' (воздействие природных сил язык не склонен принимать во внимание):

(4) *Дом разрушился от землетрясения.*

Интересен глагол *сказать*: согласно Wierzbicka 1994, он не предполагает Адресата в качестве обязательного участника. Действительно, контексты типа

(5) *Неужели он сказал это вслух?*

Ты сказал так тихо, что никто не слышал

заставляют признать, что Адресат не является обязательным участником ситуации *сказать*.

В то же время, нельзя *купить* ни за сколько, *заслужить* (уважение) ничем, *построить* (дом) из ничего, и эти участники обязательные для соответствующих глаголов³. Присутствие в ситуации обязательных участников однозначно предсказывается смыслом глагола.

Однако есть много обязательных участников, которым не соответствует переменной в толковании. Например, в ситуации *бежать* обязательный участник — скорость: любое передвижение имеет какую-то скорость; в ситуации *читать* — место (нельзя читать нигде) и время (если нет такого времени, когда он читает, значит он не читает). Этим участникам, конечно, не соответствует переменной в толковании: они не существенны для значения данного слова и в толковании, естественно, не упоминаются.

Толкование разграничивает участников не с точки зрения их обязательности, а с точки зрения выделенности: участник выделенный, если толкование не может быть составлено без его упоминания. То есть толкование выделяет, из числа обязательных, некоторых участников ситуации, важных для смысла, и только им сопоставляет переменную. Актанты соотносимы с выделенными участниками, сирконстанты (и адьюнкты) — с невыделенными.

Соответствие между участниками ситуации и переменными толкования осложняется в том случае, если участник хотя и упоминается в толковании, но не является переменным: его таксономическая категория однозначно задана в толковании, а в плане референции он либо зависим от другого участника, либо имеет родовой статус. Так, *махнуть* можно и рукой, и платком и проч., так что движущийся предмет — переменный, как в плане референции, так и таксономически; между тем *гореть* можно только огнем; *плакать* только слезами, *поцеловать* только губами, *подмигнуть* только глазом. Это инкорпорированные участники

³ Ср. глагол *колоть* (Апресян 1974: 124); в обеих ситуациях с *колоть* (*колоть чем* и *колоть обо что*) участник инструмент/медиатор обязателен.

соответствующих ситуаций (см. Бирюлин 1984, Jackendoff 1993), им не соответствует переменной.

Деление участников на выделенные, невыделенные и инкорпорированные нужно потому, что имеются разные типы правил соединения смысла глагола со смыслом подчиненных ему членов предложения, см. Падучева (в печати): выделенным участникам, имеющим свою переменную в толковании, соответствуют одни правила; необязательным, у которых нет переменной в толковании, — другие; существуют и свои правила для инкорпорированных участников; последние могут при определенных условиях «экстрагироваться» и выходить на поверхность, ср. *горит синим огнем* или *плачет горючими слезами*. Например, часто «выходит на поверхность» инкорпорированный участник *глаз* ситуации, описываемой глаголом *видеть*:

(б) Простым глазом мы можем увидеть около 6 тысяч звезд (Зоценко. «Возвращенная молодость»);

Затем, что глаза мои видели это дитя (Бродский. «Сретенье»)

Граница между выделенными и невыделенными участниками (актантами и сирконстантами) отчасти зависит от толкователя. Например, можно включить в число актантов глагола *наполнить* участника Степень, чтобы обосновать сочетание *наполнил на три четверти*; но можно предусмотреть правило композиции слов, которое будет зачеркивать компонент ‘полностью’ в контекстах, где *наполнить* имеет подчиненное обстоятельство меры.

Есть распространенная точка зрения (см., например, Богуславский 1996: 111), что: а) актанты семантически обязательны, а сирконстанты факультативны; их можно изъять из ситуации, не разрушив ее; б) актанты выражаются идиоматично, и потому должны быть упомянуты в словаре, а сирконстанты — единообразно, и потому не указываются при глаголе, их место — в грамматике (при этом нужно еще, чтобы эти признаки разбивали глаголы на одни и те же два класса). Между тем, оба положения опровергаются (ср. Филипенко, в печати).

а) Многие участники, признаваемые сирконстантами, обязательно присутствуют в ситуации: ни из какого действия нельзя изъять время и место; из движения (например, бега) — скорость; из ситуации *видеть* — глаза, и т. д.

б) Многие участники, признаваемые актантами, выражаются неидиоматично, например, Субъект; а многие «сирконстанты», напротив, идиоматично, например, Причина, см. Иорданская, Мельчук 1995. При этом нет такого адъюнкта, для которого соче-

тание с глаголом было бы абсолютно свободно: любое сочетание требует того или иного семантического согласования (см., например, о сложных законах сочетаемости глагола с обстоятельством времени в Падучева 1996).

Теперь о соответствии между переменными толкования и синтаксическими актантами глагола в предложении. По разным причинам бывает так, что участник ситуации, в том числе выделенный, не может быть обозначен никаким членом предложения.

1) Переменной в толковании не может соответствовать никакого члена предложения, если участник в составе предложения переходит в статус инкорпорированного, а именно, если его предполагаемый актант не имеет самостоятельной референции (например, его референциальный статус родовой или он денотативно зависим от другого участника), а лексически совпадает с таксономической предпосылкой самого глагола. Так, (7а) возможно, а (7б) — нет:

- (7) а. *Он женился на Маше; на одной женщине; на красивой женщине*, и т. д.
б. **Он женился на женщине*.

2) Участник не может быть выражен никаким членом предложения, если, по смыслу глагола, он может быть идентифицирован только на уровне высказывания, через совпадение с одной из прагматических переменных — говорящим, наблюдателем и проч. Так, в ситуации примера (8) (из Апресян 1986), с глаголом *показаться*, обязательно присутствует участник-Наблюдатель, который, однако, не может быть обозначен в предложении никаким членом предложения; в простом случае этим участником является говорящий:

- (8) *На дороге показался всадник*.

Наблюдатель — это участник с ролью Эксперимента и коммуникативным рангом Нуль.

3) Участник не может быть выражен никаким членом предложения, если переменная уже в толковании (лексемы или грамматической формы) связана квантором, как в (9):

- (9) *Хозяйки не чувствуются;*
Катастрофа не просматривается;
Плохие новости лучше продаются. (Жуховицкий)

Квантификация часто порождается модальностью. Так, *не чувствуется* ≈ 'никто не может почувствовать'.

4) Противоположный случай — когда переменная, уже в толковании, связывается дейктически — через обращение к контек-

сту; такова переменная с ролью Исходный пункт у глагола *положить* (см. Рахилина 1990: 98): хотя *положить* значит, грубо говоря, ‘переместить с места X на место Y’, нельзя сказать *положи книгу с окна на стол* — надо сказать *переложил*, поскольку для *положи* Исходный пункт всегда ‘от себя’. Аналогичный запрет для *вынуть*, *достать*, *взять* — нельзя спросить:

(10) **Куда он вынул платок?*

5) Участник может быть таксономически фиксирован в одной из диатез глагола (как в Примерах 2, 3 из раздела 1), и тогда он не выразим в этой диатезе; так, в (11) действие состоит в удалении ‘лишнего’ участника:

(11) *вымел пол* = ‘вымел мусор с пола’;

прополот грядку = ‘выполот сорняки с грядки’;

вытер стол = ‘вытер грязь/пыль со стола’.

6) Часто бывают синтаксически не выразимы участники у глаголов с отрицательным значением, ср. *промахнуться* = ‘целиться в Y из Z-а и не попасть’ (Мельчук, Холодович 1970); *промолчать* = ‘не высказаться по поводу’:

(12) *Тютчевская публикация в «Северной лире» весьма значительна. Ее положительно оценил Московский вестник. Ее благосклонно встретил Вяземский. Пушкин промолчал.* (Г. Красухин. «Великий спор»)

У глагола *передумать* (= ‘иметь и перестать иметь намерение’) участник Намерение выразим с трудом. Так, в примере (13) союз *и* не вводит актанта глагола *передумать*; можно было бы сказать *передумали уезжать (уходить)*; но намерение было — не ‘уезжать/уходить’, а ‘уехать/уйти’:

(13) *Есть ли среди бойцов люди, которые передумали и хотят остаться?*

7) Синтаксическая невыразимость участника может быть вызвана поверхностными причинами. Например, при одном глаголе несовместимы участники с ролью Инструмента и Средства, если они оба требуют синтаксического актанта в твор. падеже (Апресян 1974: 128).

3. РОЛИ И РАНГИ

Несколько слов о семантических ролях участников (приблизительно, но не в точности падежах по Филлмору).

Семантическая роль характеризует участника с точки зрения его места в когнитивной структуре. Роль — это, например, Агенса, Инструмент, Адресат, Место.

В толкование глагола входит информация о структурных соотношениях между участниками. Информация о свойствах участников обычно задается отдельно (см. в Апресян 1974: 60 о разделении толкования и сочетаемостных характеристик). Так что толкование почти сводится к указанию ролей участников.

Роль участника вытекает из толкования, приписанного глаголу (согласно Апресян 1974: 120, роль — это просто часть толкования); т. е. роли имеют семантическое обоснование. В простом случае роль просто описывается компонентом или набором компонентов толкования. По степени непосредственности связи с толкованием различаются конкретные роли и гиперроли.

Конкретные роли, такие, как Агенса, Причина, Место, Исходная точка, Конечная точка, Инструмент, Средство, Адресат, имеют в толковании соответствующий компонент или совокупность компонентов. Так, Агенса — это такой участник X, которому соответствует компонент 'X действовал (с Целью)'. Инструмент — это участник Z, такой, что Z воздействовал на Пациенса, причем существует Агенса, который привел Z в действие для достижения своей цели (т. е. использовал Z), и т. д., см. подробнее о семантике ролей в Падучева 1997.

Гиперроль — это, например, Пациенса. Конкретные компоненты толкования у разных глаголов, предполагающих Пациенса, могут быть различны. Общее у всех компонентов то, что участник подвергается изменению — изменяться может значение какого-то параметра (X *вырос*); состояние (X *успокоился*); местоположение (*принес* X); объект может возникать и исчезать (X *растаял*; *съест* X), перемещаться и т. д. Другая гиперроль — Каузатор: она объединяет роли Агенса, Сила (*ветер*, *буря*) и Причина (как в *Приезд жены нарушил привычный распорядок жизни*).

В отличие от роли, коммуникативный ранг характеризует участника с прагматической точки зрения — по отношению к фокусу внимания говорящего. Субъект и (прямой) Объект — это участники, входящие в Центр; остальные участники относятся к Периферии; участник, который синтаксически не выразим при данном глаголе, имеет ранг Нуль, т. е. находится, так сказать, за пределами Периферии.

Участник в ранге Нуль может, впрочем, находиться не только в позиции за кадром, как в примере с пылью, но и, напротив, в максимально выделенной позиции. Таков, например, участник-

Наблюдатель при глаголе *показаться* в примере (8) из раздела 2. Штамп на письме *Просмотрено военной цензурой* опускает участника «это письмо» не потому, что он должен находиться за кадром, а потому, наоборот, что он выделен в максимальной степени.

Синтаксический экскурс. В предложении нулевой коммуникативный ранг может быть приписан также такому обязательному участнику глагола, для которого синтаксический актант, в принципе, не исключен словарем, но в данном контексте «опущен». Так, в примере (3) раздела 2 опущен участник транспортное средство — который с обязательностью предполагается семантикой глагола *ехать*; во фразе *Синтаксические структуры были написаны в 1957 году* «опущен» Агенс; все это участники контекстного нулевого ранга. Ср. предложения *Он женат* и *Он на ком-то женат*: разница в том, что в первом участник Жена имеет нулевой ранг, а во-втором она все-таки в кадре.

В статье Panevova 1994 предлагается оригинальный тест, позволяющий выявлять различия в коммуникативной значимости подразумеваемых («опущенных» — deleted) участников. Ср. примеры (а) и (б):

- (а) — *Он приехал на поезде.*
— *Когда он приехал?*
— *Не знаю.*
- (б) — *Он приехал на поезде.*
— *Куда он приехал?*
— *Не знаю.*

Ответ «Не знаю» на вопрос «Когда?» допустим, а на вопрос «Куда?» — нет (более того, не вполне уместен и сам вопрос!). Можно думать, что ответ «Не знаю» допустим в тех случаях, когда вопрос касается участника, оставленного за кадром, и не допустим, если отсутствие актанта означает действительное связывание переменной, как в (а), или анафорический эллипсис, как в (б), где даже вопрос «За что?» неуместен, поскольку это должно быть ясно из контекста:

- (в) *Джон заплатил Биллу пять долларов.*

Тест дает интересное деление только для актантов — на вопрос о сирконстанте говорящий всегда может ответить незнанием — или даже отрицанием существования участника, если он необязательный (ср.: — *Зачем он приехал?* — *Ни за чем*).

Итак, противопоставление Субъекта и Объекта прочим членам предложения, а также различие между выразимыми и невыразимыми участниками выполняют определенную прагматическую (коммуникативную) функцию.

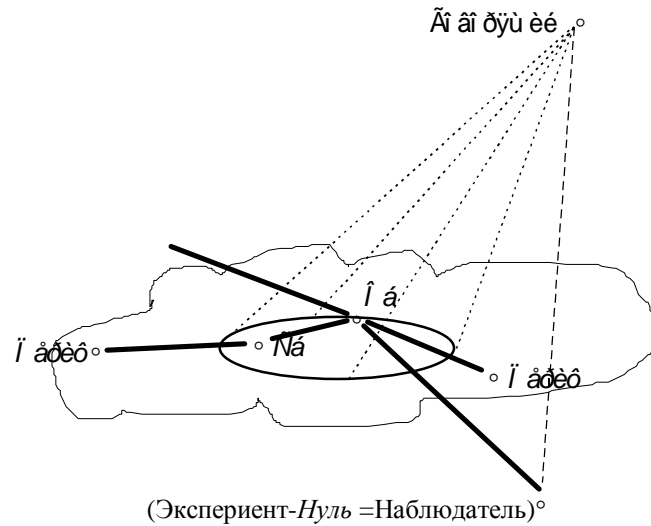
Одну из сфер, где понятие коммуникативного ранга имеет первостепенное значение, составляют конверсивы. Конверсивы — это слова, которые различаются по смыслу только (или почти только) коммуникативными рангами участников, одинако-

вых по роли в ситуации; примеры (некоторые взяты из Апресян 1974, Fillmore 1977, Gruber 1995):

- (1) а. *Поезд отошел от станции;*
б. *Поезд покинул станцию;*
- (2) а. *Пещеру населяют медведи;*
б. *В пещере живут медведи;*
- (3) а. *Вода наполняет бассейн;*
б. *Вода течет в бассейн;*
- (4) а. *Пуля попала в цель;*
б. *Пуля поразила цель;*
- (5) а. *Вода вытекает из баллона;*
б. *Баллон пропускает воду;*
- (6) а. *Ценный документ находится в пакете;*
б. *Пакет содержит ценный документ;*
- (7) а. *Наша бутылка вместила 5 л кваса;*
б. *5 л кваса поместились в нашей бутылке;*
- (8) а. *В городе находится много иностранцев;*
б. *Город кишит иностранцами⁴;*
- (9) а. *С дерева падают листья;*
б. *Дерево роняет листья;*
- (10) а. *Он обеспечил своих животных продовольствием;*
б. *Он заготовил своим животным продовольствие.*

На рисунке ниже схематически изображены Центр, Периферия и область «За кадром». Коммуникативные ранги определяются относительно светового луча, который идет от Говорящего. Жирными линиями обозначены предикаты, которые задают ролевую структуру ситуации (роли указаны в явном виде только для участников нулевого ранга). Линия, которая соединяет Говорящего и Наблюдателя, означает их потенциальную кореферентность. Роли обозначены прямым шрифтом, ранги — курсивом.

⁴ Аналогично для *изобиловать, пестреть* (Ее рассказы пестрят междометиями).

Уйдя на Периферию, участник может превратиться из семантически обязательного в факультативный, как в (11), но может и остаться обязательным, как в (12) (пример из Апресян 1974):

- (11) а. *Наводнение разрушило мост;*
 б. *Мост разрушился от наводнения.*
- (12) а. *Меня расстроил его отъезд;*
 б. *Я расстроился из-за его отъезда.*

С помощью коммуникативных рангов можно определить понятие фонового (= периферийного) Агенса — это Агенса, который не имеет обычного для него ранга Субъекта:

- (13) *Я получил от него письмо;*
Я знаю это от Ивана;
Она родила ребенка от иностранца.

Контрагент — это фоновый Агенса, т. е. тот Агенса, который при выбранном глаголе оказался не-Субъектом, ср. Апресян 1974: 127.

У одного участника может быть более чем одна роль. Так, в сочетании *извиниться перед ним* одно и то же лицо является Адресатом и Бенефициантом. Такая возможность допускается и в Апресян 1974: 129 (так наз. совмещение валентностей; например, предложная группа *на пароходе* в сочетании *ехать на пароходе* соответствует двум участникам — Инструменту и Месту) и в Jackendoff 1993: 60).

С другой стороны, у двух участников одного глагола может быть одна и та же роль. Так, в (14) вода — Пациенс, поскольку в ходе ситуации она меняет свое место, но бассейн тоже Пациенс, поскольку он из пустого становится полным:

(14) *Сторож наполнил бассейн водой.*

Впрочем, бассейн имеет, кроме роли Пациенс, роль Конечный пункт, а вода — Материал; так что наборы ролей у воды и бассейна лишь частично пересекаются.

Понятие коммуникативного ранга решает проблему *role assignment*, которая была не совсем точно поставлена в Fillmore 1968: информация о коммуникативном ранге участника должна подаваться на вход тех правил, которые устанавливают соответствие между семантическими ролями участников и синтаксическими категориями выражающих их актантов. Есть «ограничения сочетаемости» ролей (падежей) с коммуникативными рангами (ср. Fillmore 1977), например, Агенс не может быть в ранге Объекта. Однако у многих глаголов участники с заданными ролями способны менять ранги, ср. *намазать* в примере (15):

(15) а. *Я намазал повидло на хлеб;*

б. *Я намазал хлеб повидлом.*

Иногда коммуникативный ранг жестко задан словарем. Например, у глагола *кишеть* участник Место продвинуто в Центр и занимает позицию Субъекта. У глагола *нравиться* Содержание — Субъект, а Эксперимент выражен периферийным падежом, хотя у близкого по смыслу глагола *любить* Эксперимент — Субъект. Ср. пример из Fillmore 1977 — Цена у *заплатить* имеет более высокий ранг, чем у *купить*:

(16) а. *Я купил у Джона розы (за пять долларов);*

б. *Я заплатил Джону за розы пять долларов.*

Понятие коммуникативного ранга позволяет описать семантику диатетических сдвигов, т. е. представить в явном виде их коммуникативное содержание. Более того, можно просто представить диатетический сдвиг как мену коммуникативных рангов. Слегка отступая от определения диатезы, введенного в Мельчук, Холодович 1970, мы будем называть диатезой лексемы набор семантических ролей участников с указанием их коммуникативных рангов. Например, глагол *намазать* имеет в (15а) диатезу (Агенс-Сб, Средство-Об, Место-Периф), а в (15б) — (Агенс-Сб, Место-Об, Средство-Периф).

В Апресян 1967: 159 было введено понятие «расщепление валентности», которое определяется как «представление одной ва-

лентности <...> с помощью двух соподчиненных словоформ» (Апресян 1974: 154). В наших терминах можно представить это явление как особый случай соответствия между диатезами двух деривационно связанных лексем, когда одной роли данной лексемы соответствуют (по смыслу) две разных роли у ее деривата. Так (примеры из Апресян 1974: 155), роль Место в (17а) расщепляется в (17б) на две роли — Посессор и Часть; роль Содержание-Сб в (18а) расщепляется в (18б) на Мишень-Сб и Аспект-Периф:

(17) а. *глядеть в машины глаза;*

б. *глядеть Маше в глаза;*

(18) а. *Ее жалобы мне надоели;*

б. *Она надоела мне своими жалобами.*

Расщепление дает возможность увидеть в ситуации больше выделенных участников, чем предусмотрено толкованием. В Мельчук, Холодович 1970 глагол брить (*X бреет Y*) толкуется как 'X срезает (определенным образом) волосяной покров Y'. Но *Y* = волосяной покров — это часть, и она предполагает целое, т. е. тело, у которого могут быть свои части. Так возникает целая серия участников — инкорпорированных (не выдвинутых на передний план), но обязательных, поскольку в имплицитном виде все они в ситуации присутствуют. Отсюда допустимые *Иван бреет Петра; бреет Петру ногу* и т. д.

Расщепление, как и диатетический сдвиг, приводит к новому делению участников на выделенных и невыделенных; оно вводит в ситуацию новых непосредственных участников — из участников, которые входили в нее не-непосредственно. И если лексема допускает расщепление, то этим отщепленным участникам надо приписать роли и ранги. Один из отщепленных участников — Посессор, как Маша в (17б).

Синтаксический экскурс. Для Посессора есть выбор: он может иметь коммуникативный ранг Периферия, как в (17б), а может получить ранг Детерминант — это будет пятый ранг в нашей иерархии, более высокий, чем у Субъекта (глаголы, у которых ранг Детерминант приписывался бы какому-то участнику в словаре в качестве единственного, неизвестны). Конструкция с Детерминантом придает участнику статус «психологического субъекта», при котором вся остальная часть предложения, включая грамматический Субъект, является психологическим предикатом. Конструкция с Детерминантом служит для тематического выделения участника, см. пример из Рахилина 1992:

а. *У Ивана Ивановича рука вздрагивала;*

б. **У Ивана Ивановича рука белела на темном фоне ⇒
Рука Ивана Ивановича белела на темном фоне.*

В (а) Иван Иванович, по смыслу, может быть выделенной темой предложения (поскольку то, что у него дрожит рука, характеризует его в целом), а в (б) — нет.

Продвигаясь в более высокий ранг, участник может приобретать дополнительную роль; так, переход в ранг Субъекта часто сопровождается приобретением роли Носитель свойства, как в (5); в ранг Объекта (из Периферии) — приобретением дополнительной роли Пациенса, как в (15).

4. О ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ТЕМАТИЧЕСКОГО ВЫДЕЛЕНИЯ

Трансформационная грамматика игнорировала различия в ранжировке участников — например, трансформация пассива считалась синонимическим преобразованием (это положение решительно отвергается в Апресян 1967б: «Было бы опрометчиво утверждать, что трансформации обеспечивают полную сохранность смысла исходного выражения. Наоборот, разумно предполагать, что всякому изменению формы соответствует некоторое семантическое изменение»). Сейчас ясно, что синтаксические различия могут иметь непосредственную коммуникативную значимость, и вопрос лишь в том, как представить эту коммуникативную информацию.

Можно было бы ограничиться указанием ранговых различий — всей гиперлексе (в смысле Успенский 1979) сопоставлять одно и то же толкование, а каждую лексему в ее составе задавать ее диатезой. Попробуем, однако, представить семантику ранговых различий более или менее эксплицитно — в виде толкований.

Мы исходим из того, что толкование — это последовательность семантических компонентов; они упорядочены по времени (хотя временные соотношения могут указываться и эксплицитно) и презумпции раньше ассерций (причины раньше следствий); некоторые компоненты выражают структурные связи между другими (напр., каузация). Толкования имеют формат — разный для разных таксономических категорий (таких, как действие, процесс, состояние, свойство и под., см. Кустова, Падучева 1994). Ассертивный статус компонентов (рематический акцент) задается раз-

меткой <пресуппозиция>, <ассерция>, <импликация>, <модификация>⁵.

Тематическое выделение мы предлагаем выражать пометами [фигура] — [фон] (ср. англ. figure — ground) — [за кадром], которые задают, на компонентах, степени тематического выделения участников — коммуникативные ранги. Несколько иллюстраций.

Пример 5. Мена коммуникативных рангов участников при декаузативации неакциональных каузативов:

(а) *Постоянные войны и стоиц или казну;*

(б) *От длительных войн казна и стоиц ила сь.*

Соотношение между (а) и (б) описывается следующими толкованиями:

(а) *Х истоцил Y =*

Y имел ресурсы <пресуппозиция>

произошло/имело место X <пресуппозиция> [фигура]

X вызвало <ассерция>:

Y перестал иметь ресурсы <импликация>

(б) *Y истоцился =*

Y имел ресурсы <пресуппозиция>

Y перестал иметь ресурсы <ассерция>

(потому что произошло/имело место X) [фон]

Общим у глаголов *истоцил* и *истоцился* является пациентный компонент 'Y перестал иметь ресурсы' (он характеризует Y как Пациенс). Различие в этой паре глаголов определяется, прежде всего, ассертивным статусом этого компонента. У *истоцил* компонент каузация ассертивный; а пациентный компонент имеет статус импликации. У возвратного глагола *истоцился* пациентный компонент ассерция; каузация становится факультативным компонентом (что показано скобками): если никакой причины перехода Y-а в новое состояние в предложении не указано, значит говорящий представляет дело так, что это случилось 'само собой'. Естественно, факультативный компонент имеет ранг [фон]. Коммуникативный ранг X-а в (а) (Субъект) задается тем, что компонент 'произошло/имело место X' размечен как [фигура]: пометы <пресуппозиция> недостаточно, поскольку их две.

⁵ Модификация называется «слабым компонентом» в Богуславский 1985: 30 и «атрибутивным компонентом» в Падучева 1996:243.

Возможность иметь каузатор в качестве факультативного участника (*От длительных войн казна истощилась; От этих потрясений я лишился сна*) не есть тривиальное свойство любого глагола. Так, у акционального глагола, в отличие от медиального, нет фонового Каузатора (его замещает мотивировка). Фонового Каузатора нет и у глагола состояния: статическое положение, в отличие от изменения, не предполагает причины.

Пример 6. Мена рангов при каузативации; в паре *высохнуть* — *высушить* первый глагол медиальный, а второй — каузатив (неакциональный) от первого:

(а) *Трава высохла;*

(б) *Солнце высушило траву.*

Соотношение между (а) и (б) мы описываем следующими толкованиями:

(а) *Y высох* =

Y не был сухой <пресуппозиция>

Y стал сухой <ассерция>

(потому что произошло/имело место *X*) [фон]

(б) *X высушил Y* =

Y не был сухой <пресуппозиция>

произошло/имело место *X* <пресуппозиция> [фигура]

это вызвало <ассерция>:

Y стал сухой <импликация>

Фоновому каузативному компоненту в толковании (а) соответствует семантически факультативный участник Каузатор (Причина): *От жгучего летнего солнца трава высохла.*

Отметим, что при нашем описании направление семантической и формальной производности совпадает — не только в Примере 6, но и в 5: формально производный *истощиться* является и семантически производным от *истощить*, в толковании которого каузативация ассертивная, а не фоновая (ср. Мельчук 1967, где примеры типа 5 трактуются как обратное словообразование).

Для семантики медиального глагола, типа *высохнуть*, равно как и для декаузатива, типа *истощиться*, существенно отсутствие в ситуации — даже на фоновом уровне — целеполагающего субъекта: фоновой причиной наступления пациентного состояния может быть любое событие, природная сила и т. д. (*Мышка бежала, хвостиком махнула, яичко упало и разбилось*), но не сознательное действие субъекта. Поэтому взаимная обратимость каузативации и декаузативации распространяется только на неакциональные каузативы.

В Примере 7 в ранге подлежащего оказывается участник с семантической ролью Инструмент, несмотря на то, что Инструмент предполагает Агенса, который в контексте (а' и б'), казалось бы, невозможен. Но дело в том, что Агенса в (а'), например, исключен только на синтаксическом уровне. Он остается в числе участников ситуации, описываемой глаголом *открыть* (в частности, это он является субъектом оценки для *без труда*), но в контексте, где Инструмент возрос в ранге до Субъекта, получает ранг Нуль, поскольку он синтаксически невыразим:

- (а) *Я открыл дверь своим ключом;*
- (а') *Новый ключ открыл дверь без труда.*
- (б) *Я резал мясо тупым ножом;*
- (б') *Нож резал плохо, у меня вся рука в мозолях;*

Ниже приводится толкование для *резать* в контекстах типа (б')

Таксономическая категория | процесс

Ак- тан- ты	Z	Сб	Инстр	материальный предмет: острый край
	Y	Об	Пациенс	материальный предмет
	W	Периф	Результат	части
	X	Нуль	Агенса	лицо

Толкование | X действовал с Целью [рамка]

: привел Z в движение, давя его острым краем на Y
 Z воздействовал на Y: деформировал Y [фигура]
 все это вызвало:
 возник Результат: существуют части W Y-а

Толкование для (б'') отличается тем, что у *резать* в (б'') таксономическая категория — не процесс, а свойство:

- (б'') *Эти ножницы режут только бумагу.*

Продвижение периферийного участника в ранг Субъекта не слишком широко распространено в русском языке; ср. однако, такой же переход в примере:

(в) *Этот могущественный предмет [деньги] с легкостью покупал все, что вам было угодно.* (Зощенко. «Возвращенная молодость»).

Пример 8. Диатетический сдвиг:

(а) *залить бензин <Y> в бак <Z>;*

(б) *залить бак <Z> бензином <Y>.*

Исходная диатеза глагола *залить* представлена примером (а); в (б) участник Z переходит из ранга Периферия в ранг Объект. В толковании диатезы (б), смещенной, присутствует компонент 'тем самым Z изменил состояние: стал полным', который и обосновывает для Z вторую роль — Пациенс; это делает возможным его повышение в ранге до Объекта.

В заключение этого раздела — комментарии к Примерам 1–4 из раздела 1.

В Примере 1 достаточно признать, что тематическое выделение отлично от рематического акцента: у (а) и (б) разные темы.

В Примере 2 участник X имеет ранг Нуль (а соответствующий компонент толкования — помету [за кадром]). Аналогично для Примера 3.

В связи с Примером 4 приводим толкование глагола *продать* (из Rosina, in print), которое отражает коммуникативное неравенство двух участвующих в ситуации симметричных Агенсов:

У Сб был Товар; Сб хотел, чтобы у него были деньги <пресуппозиция>

У Контр были деньги; Контр хотел, чтобы у него был Товар <пресуппозиция>

Сб действовал с целью <пресуппозиция> [фигура]

: Договорился с Контр о Цене; после этого Контр переместил деньги к Сб, а Сб переместил Товар к Контр <ассерция>:

Результат (соответствующий цели):

У Сб есть деньги и нет Товара <импликация>

У Контр есть Товар и нет денег <импликация>

5. ТЕМАТИЧЕСКОЕ ВЫДЕЛЕНИЕ НА УРОВНЕ СЕМАНТИКИ

В работе Рахилина 1992 был приведен ряд примеров, показывающих, что не все коммуникативные различия могут быть сведены к рематическому акценту и, следовательно, к противопоставлению ассерция / пресуппозиция. Один из них, касающийся

синтаксиса, был приведен в разделе 2; другой относится к семантическому уровню, ср.:

(1) а. *глубокая книга*; б. **глубокая брошюра*;
почему (а) возможно, а (б) — нет? Ср. также примеры из Филипенко 1992:

- (2) а. *вошел задом*; б. **ворвался задом*;
а. самостоятельно передвигался; б. **самостоятельно мчался*;
а. *красиво одевать*; б. **красиво кутать*.

Недопустимость сочетаний типа (б) можно объяснить, обратившись к понятию тематического выделения: если в толковании слова имеется несколько семантических компонентов и при одном из них есть модификатор, концентрирующий внимание на данном компоненте, то остальные уходят на задний план. Они уже не могут подвергнуться тематическому выделению, как того требует предикат, который мы пытаемся связать с этим словом на синтаксическом уровне. Например, слово *брошюра* обозначает, в конечном счете, книгу, но выдвигает на передний план ее внешний вид, тогда как предикат *глубокая* касается содержания. Тем самым тот семантический компонент слова, который мог бы обеспечить сочетаемость с апеллирующим к нему синтаксическим модификатором, оказывается для этого модификатора недоступным: в толковании тематически выделен другой компонент данного слова, а нужный компонент понижен в ранге — отодвигнут в тень или на задний план.

Понятие тематического выделения дает простую формулировку для некоторых ограничений сочетаемости наречий с аспектуальными формами и значениями. Известно, что наречия, характеризующие процесс (или действие в его развитии), т. е. сочетающиеся с глаголом НСВ, часто не сочетаются с парным глаголом СВ. Дело в том, что СВ акцентирует достижение результата; а процессный компонент хотя и входит в семантику СВ (предельного глагола), но не имеет нужного коммуникативного статуса — т. е. становится недоступным для наречия:

- (3) а. *мучительно преодолевал*; б. **мучительно преодолел*;
б. *медленно возвращался*; б. **медленно вернулся*.

Тот же конфликт демонстрирует пример (4), где одно из слов, связанных с отглагольным существительным, требует акцента на процессе, а другое — на результате, которые не могут сосуществовать:

- (4) **после постепенного разрушения дом не восстанавливался*;
**вслед за постепенным завершением строительных работ*;

**удачная многолетняя переработка рукописи.*

Конфликт состоит в том, что один модификатор требует тематического выделения одного компонента в семантике отглагольного имени, а другой — другого.

Ограничения сочетаемости такого рода рассмотрены в статье Иванова, Казенин 1993; ср. примеры:

(5) а. *Солома горела быстро*; б. **Солома полыхала быстро*.

(6) а. *Он плотно закрыл дверь*; б. **Он плотно захлопнул дверь*.

В значении *полыхать* модифицируется компонент 'существует огонь', который характеризуется как большой и яркий; а *быстро* требует тематического выделения компонента уничтожения соломы, которое в значении *полыхать*, напротив, подавлено. В значении *гореть* оба компонента доступны для внешнего модификатора.

Итак, мы вправе заключить, что коммуникативные противопоставления не сводимы к рематическому акценту и что тематическое выделение составляет отдельный тип коммуникативной информации. Конечно, тема и рема — взаимно дополнительные понятия; однако если речь идет, скажем, о степенях выделения, то одно уже не может быть выражено через другое. В лингвистике 60–70-х годов логический акцент объединял все аспекты коммуникативной структуры предложения. Так, в Апресян 1967б про предложения *Он забивает щели паклей* и *Он забивает паклю в щели* говорилось, что они различаются логическим акцентом. Сейчас, имея более детализированное представление о коммуникативной структуре, мы можем различить в данной паре предложений два отдельных противопоставления. Одно выражено порядком слов и интонацией; это рематическое выделение (ср. *Он забивает паклю в щели* и *Он забивает в щели паклю*). Другое — противопоставлением винительного падежа, центрального, и творительного, периферийного (ср. *Он забивает щели паклей* и *Он забивает в щели паклю*); это тематическое выделение.

В Апресян 1967б «порядок обхода ситуации» предлагался как единый образ, соответствующий всем значениям этого рода. Кажется, что полезными могут оказаться и другие графические образы, такие, как свет — тень или передний — задний план⁶.

⁶ Автор искренне благодарен И. М. Богуславскому, Е. В. Рахилиной и М. В. Филипенко за обсуждение работы, замечания, предложения, возражения и поправки.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967а.
- Апресян Ю. Д. Синтаксическая обусловленность значений. Русский язык в национальной школе, 1967б, № 6.
- Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. М., 1974.
- Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. // Семиотика и информатика, вып. 28. М., 1986, с. 5–33.
- Бирюлин Л. А. Диатезы русских глаголов, обозначающих атмосферные явления. Л.: АКД, 1984.
- Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.
- Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. М., 1996.
- Зализняк Анна А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München, 1992.
- Иванова С. А., Казенин К. И. О коммуникативных ограничениях на взаимодействие значений лексем // ВЯ, 1993, № 5.
- Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. К семантике русских причинных предлогов // Московский лингвистический журнал, т. 2. М., 1996.
- Кустова Г. И., Падучева Е. В. Словарь как лексическая база данных // Вопросы языкознания, 1994, № 3.
- Мельчук И. А. К понятию словообразования // Известия АН СССР, Сер. лит-ры и языка, т. 26, вып 4, 1967.
- Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». М., 1974.
- Мельчук И. А., Жолковский А. К. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Вена, 1984.
- Мельчук И. А., Холодович А. А. К теории грамматического залога // Народы Азии и Африки, 1970, № 4.
- Падучева Е. В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева Е. В. Принцип композиционности в неформальной семантике // НТИ, сер. 2 (в печати).
- Падучева Е. В. Семантические роли и проблема сохранения инварианта при лексической деривации // НТИ, сер. 2, 1997, № 2.
- Падучева Е. В., Розина Р. И. Семантический класс глаголов полного охвата // ВЯ, 1993, № 6.
- Рахилина Е. В. Лексическое значение и коммуникативная структура (к постановке проблемы) // НТИ, сер. 2, 1992, № 6.
- Успенский В. А. К понятию диатезы // Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977
- Филипенко М. В. О сочетаемости глагола с наречием // Институт лингвистических исследований РАН. Тезисы докладов XI конференции. СПб., 1992.

- Bach E. Informal lectures on formal semantics. N. Y., 1989.
- Fillmore Ch. The case for case // Bach E., Harms H. (eds.) Universals in linguistic theory. N. Y. 1968, p. 1–90. Русск. пер.: НЗЛ, вып X, 1981.
- Fillmore Ch. The case for case reopened // Syntax and semantics. V. 8. N. Y. etc., 1977, p. 59–81. Русск. пер.: НЗЛ, вып X, 1981.
- Gruber J. S. Thematic configurations and syntactic structure // Papers presented at the conference: Linguistics by the end of the Twentieth Century. Moscow, 1995.
- Jackendoff R. Semantic structures. Cambridge etc., 1993.
- Panevova J. Valency frames and the meaning of the sentence. // Ph. A. Luelsdorff (ed.) The Prague school of structural and functional linguistics. Amsterdam, 1994.
- Rosina R. I. Proceedings of the VIIth International Conference on Functional Grammar (in print).
- Wierzbicka A. Dociekania semantyczne. Wrocław etc., 1969.
- Wierzbicka A. The case for surface case. Ann Arbor, 1980.
- Wierzbicka A. Semantic Primitives Across Languages. A Critical Review // Goddard C., Wierzbicka A. (eds.). Semantic and lexical universals. Amsterdam, 1994.